

Лебедь, Щука и Рак (*Крыловтан*)

Лебедь, щука и рак
Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!

Лебедь, щука и рак
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;
Да только воз и ныне там. С. 312

Чиж и Голубь (*Крыловтан*)

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».

Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперёд чужой беде не смейся, Голубок. С. 312

Лошадь и Осёл (*И. Хемницерден*)

Добро, которое мы делаем другим,
Добром же служит нам самим,
И в нужде надобно друг другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади в дороге быть с ослом;
И лошадь шла порожняком,
А на осле поклажи столько было,
Что бедного совсем под нею задавило.

«Нет мочи, – говорит, – я, право, упаду,
До места не дойду».
И просит лошадь он, чтоб сделать одолженьё
Хоть часть поклажи снять с него.

«Тебе не стоит ничего,
А мне б ты сделала большое облегченьё», –
Он лошади сказал.
«Вот, чтоб я с ношею ослиною таскалась!» –
Сказавши лошадь, отказалась.

Осел потуда шел, пока под ношей пал.
И лошадь тут узнала,

Что ношу разделить напрасно отказала,
Когда ее одна
С ослиной кожей несть была принуждена. С.313-314

Обезьяна (*Крыловтан*)

Как хочешь ты трудись;
Но приобрести не лстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился;

Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!
Мартышку это в зависть вводит.

Хвалы приманчивы, – как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан, и ну над ним возиться!
Хлопот
Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесёт,
То так, то сяк его обхватит,
То поволочёт, то покатит;
Рекой с бедняжки льётся пот;
И, наконец, она, пыхтя, насилу дышит:
А всё ни от кого похвал себе не слышит.
И не диковинка, мой свет!
Трудишься много ты, да пользы в этом нет. С. 314-315

Колосья (*Крыловтан*)

На ниве, зыблемый погодой, Колосок,
Увидя за стеклом в теплице
И в неге, и в добре взлелеянный цветок,
Меж тем, как он и мошек веренице,
И бурям, и жарам, и холоду открыт,
Хозяину с досадой говорит:
«За что вы, люди, так всегда несправедливы,
Что кто умеет ваш утешить вкус иль глаз,
Тому ни в чём отказа нет у вас,
А кто полезен вам, к тому вы нерадивы?
Не главный ли доход твой с нивы:

А посмотри, в какой небрежности она!
С тех пор, как бросил ты здесь в землю семена,
Укрыл ли под стеклом когда нас от ненастья?
Велел ли нас полоть иль согреть
И приходил ли нас в засуху поливать?
Нет: мы совсем расти оставлены на счастье,
Тогда как у тебя цветы,
Которыми ни сыт, ни богатеешь ты,
Не так, как мы, закинуты здесь в поле, –
За стёклами растут в приюте, в неге, в холе.

Что если бы о нас ты столько клал забот?
Ведь в будущий бы год
Ты собрал бы сам-сот,
И с хлебом караван отправил бы в столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире нам теплицу». –

«Мой друг, – хозяин отвечал, –
Я вижу, ты моих трудов не примечал.
Поверь, что главные мои о вас заботы.
Когда б ты знал, какой мне стоило работы
Расчистить лес, удобрить землю вам:
И не было конца моим трудам.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нет.
Дождя ж и ветру ты проси себе у неба;
А если б умный твой исполнил я совет,
То был бы без цветов и был бы я без хлеба».

Так часто добрый селянин,
Простой солдат иль гражданин,
Кой с кем своё сличая состоянье,
Приходят иногда в роптанье.
Им можно то ж почти сказать и в оправданье. С. 315-316

Лягушка и Вол (Крыловтан)

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?»
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» –
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково? Пополнилась ли я?» –
«Почти что ничего». –
«Ну, как теперь?» –
«Все то ж».
Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнявшись с Воллом,
С натуги лопнула и – околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин? С. 317

Басня впервые напечатана в 1808 году

Дуб и Трость (Крыловтан)

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошёл.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, –
Сказал он, – воробей, и тот тебе тяжёл.
Чуть лёгкий ветерок подёрнет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнёшь слабеть
И так нагнёшься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.

Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям и грозам,
Стою и твёрд и прям.

Как будто б ограждён ненарушимым миром:
Тебе всё бурей – мне всё кажется зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья».

«Ты очень жалостлив, – сказала Трость, в ответ,
– Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасуюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что ещё доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;
Но – подождём конца!»

Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождём шумящий аквилон.
Дуб держится – к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел – и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался. * С. 318-319

1805 г.

Волк и Журавль (*Крыловтан*)

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
За то на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! – зверь вскричал коварный. –
Тебе за труд?
Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!

Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся». С. 320

Басня впервые напечатана в 1816 году.

Осёл и Соловей (Крыловтан)

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твоё услышав пенье,
Велико ль подлинно твоё уменье?»

Тут Соловей являть своё искусство стал:
Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда любимцу и певцу Авроры:*
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец.
Осёл, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, – говорит, – сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком ты с нашим петухом;
Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».

Услыша суд такой, - мой бедный Соловей
Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.

***

Избави, Бог, и нас от этаких судей. С. 322-323

Две Мухи (Крыловтан)

Две Мухи собрались лететь в чужие край,
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им рассказали попугай
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянны колпаки;
А в хижинах на них злодеи пауки.
«Путь добрый вам», Пчела на это отвечала:

«А мне И на моей приятно стороне.

От всех за соты я любовь себе сыскала –
От поселян и до вельмож.
Но вы летите,
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады пауки лишь будут вам
И там».

***

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна. С. 323-324

Лев, Серна и Лиса (Крыловтан)

По дебрям гнался Лев за Серной;
Уже её он настигал
И взором алчным пожирал
Обед себе в ней сытный, верный.
Спасть, казалось, ей нельзя никак:
Дорогу обой м пересекал овраг;
Но Серна лёгкая все силы натянула –
Подобно из лука стреле,
Над пропастью она махнула –
И стала супротив на каменной скале.

Мой Лев остановился.
На эту пору друг его вблизи случился:
Друг этот был – Лиса.

«Как! – говорит она, – с твоим проворством, силой
Ужели ты уступишь Серне хилой!
Лишь пожелай, тебе возможны чудеса:
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, верно, перескочишь.
Поверь же совести и дружбе ты моей:
Не стала бы твоих отваживать я дней,
Когда б не знала
И крепости и лёгкости твоей».

Тут кровь во Льве вскипела, заиграла;
Он бросился со всех четырёх ног;
Однако ж пропасти перескочить не мог:
Стремглав слетел и – до смерти убился.
А что ж его сердечный друг?
Он потихохоньку в овраг спустился
И, видя, что уж Льву ни лести, ни услуг
Не надо боле,
Он, на просторе и на воле,
Справлять поминки другу стал,
И в месяц до костей он друга оглодал. С. 324-325

1829–1830 г.

Ворона и Лисица *(Крыловтан)*

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыра;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,

Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:

Лисица видит сыр, – Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит

И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!

Какие пёрушки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись!
Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,–
И на приветливы Лисицины слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова

Впервые напечатана басня в 1808 году.

Волк и Ягненок *(Крыловтан)*

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

***

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такую
Я голову с тебя сорву».–

«Когда светлейший Волк позволит,

Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». –
«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» –
«Помилуй, мне еще и от роду нет году», –
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». –
«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведуюсь грехи». –

«Ах, я чем виноват?» –
«Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в темный лес Ягненка поволок. С. 328-329

Деревцо *(Крыловтан)*

Увидя, что топор Крестьянин нес,
«Голубчик, – Деревцо сказало молодое, –
Пожалуй, выруби вокруг меня ты лес,
Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы,
Такие надо мной он сплесть изволил своды!
Когда б не от него расти помеха мне,
Я в год бы сделалось красою сей стране,
И тенью бы моей покрылась вся долина;
А ныне тонко я, почти как хворостина».

Взялся Крестьянин за топор,
И Дереву, как другу,
Он оказал услугу:
Вкруг Деревца большой очистился простор;
Но торжество его недолго было!
То солнцем дерево печёт,
То градом, то дождём сечёт,
И ветром, наконец, то Деревцо сломило.

«Безумное! – ему сказала тут змея, –
Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало,
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли,
Тебя бы старые деревья берегли;
А если б некогда деревьев тех не стало,
И время их бы отошло,
Тогда в свою чреду ты столько б возросло,
Усилилось и укрепилось,

Что нынешней беды с тобой бы не случилось,
И бурю, может быть, ты б выдержать могло!» С. 330

Лев состаревшийся (*Крыловтан*)

Могучий Лев, гроза лесов,
Постигнут старостью, лишился силы:
Нет крепости в когтях, нет острых тех зубов,
Чем наводил он ужас на врагов,
И самого едва таскают ноги хилы.

А что всего больней,
Не только он теперь не страшен для зверей,
Но всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье,
Наперерыв ему наносит оскорбленье:
То гордый конь его копытом крепким бьёт,
То зубом волк рванёт,
То острым рогом вол боднёт.

Лев бедный в горе толь великом,
Сжав сердце, терпит всё и ждёт кончины злой.
Лишь изъясняя ропот свой
Глухим и томным рыком.
Как видит, что осёл туда ж, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотрит место лишь, где б было побольнее.

«О боги! – возопил, стеная, Лев тогда, –
Чтоб не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мне один конец скорее!
Как смерть моя ни зла:
Всё легче, чем терпеть обиды от осла». С. 331-332

1821–1823 г.

Крестьянин и Смерть (*Крыловтан*)

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.

Нес, нес он их и утомился,
Остановился,
На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:

«Куда я беден, боже мой!
Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денёк?»

В таком унынии, на свой пеняя рок,
Зовет он смерть: она у нас не за горами,
А за плечами:
Явилась вмиг
И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
Увидевши ее свирепую осанку,

Едва промолвить мог бедняк, оторопев:

«Я звал тебя, коль не во гнев,
Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умирать еще тошней. С.333

Добрая Лисица (Крыловтан)

Стрелок весной малиновку убил.
Уж пусть бы кончилось на ней несчастье злое,
Но нет; за ней должны ещё погибнуть трое:
Он бедных трёх её птенцов осиротил.
Едва из скорлупы, без смыслу и без сил,
Малютки терпят голод
И холод
И писком жалобным зовут напрасно мать.
«Как можно не страдать,
Малюток этих видя;
И сердце чьё об них не заболит? –
Лисица птицам говорит,
На камушке против гнезда сироток сидя. –
Не киньте, милые, без помощи детей;
Хотя по зёрнышку бедняжкам вы снесите,

Хоть по соломинке к их гнёздышку приткните:
Вы этим жизнь их сохраните;
Что дела доброго святей!

Кукушка, посмотри, ведь ты и так линияешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать
И перьем бы твоим постельку их устлать,
Ведь попусту ж его ты растеряешь.
Ты, жавронок, чем по верхам
Тебе кувыряться, кружиться,
Ты б корму поискал по нивам, по лугам,
Чтоб с сиротами поделиться.
Ты, горлинка, твои птенцы уж подросли,
Промыслить корм они и сами бы могли:
Так ты бы с своего гнезда слетела
Да вместо матери к малюткам села,
А деток бы твоих пусть бог
Берёт.

Ты б, ласточка, ловила мошек,
Полакомить безродных крошек.
А ты бы, милый соловей, –
Ты знаешь, как всех голос твой прельщает, –
Меж тем, пока зефир их с гнёздышком качает,
Ты б убаюкивал их песенкой своей.
Такою нежностью, я твёрдо верю,
Вы б заменили им их горькую потерю.
Послушайте меня: докажем, что в лесах
Есть добрые сердца, и что...»
При сих словах

Малютки бедные все трое,
Не могли с голоду сидеть в покое,
Попадали к Лисе на низ.
Что ж кумушка? – Тотчас их съела
И поученья не допела.

Читатель, не дивись!
Кто добр поистине, не распложая слова,
В молчанье тот добро творит;
А кто про доброту лишь в уши всем жужжит,

Тот часто только добр на счёт другого,
Затем, что в этом нет убытка никакого.
На деле же почти такие люди все –
Сродни моей Лисе. С. 334-335
1814 г.

Мартышка и Очки (Крыловтан)

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.

Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.

«Тьфу, пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит. С. 336

Крестьянин и Работник (Крыловтан)

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят;
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.

Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.

«Степанушка, родной, не выдай, милый!» –
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,

Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.

Прошла беда;
Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй, – говорит, – за что?» –
«За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!» С. 337

Бедный Богач (*Крыловтан*)

Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрём, ведь всё оставим.
Мы только лишь себя и мучим и бесславим.

Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далёко б было слышно;
Я даже делал бы добро другим,
А богачей скупых на муку жизнь похожа. –
Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лёжа;
Как вдруг к нему сквозь щёлочку пролез,
Кто говорит – колдун, кто говорит – что бес,
Последнее едва ли не вернее:
Из дела будет то виднее.
Предстал – и начал так: «Ты хочешь быть богат,
Я слышал, для чего; служить я другу рад.
Вот кошелёк тебе: червонец в нём, не боле;
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.

Итак, приятель мой,
Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
Возьми ж – и из него без счёту вынимай,
Доколе будешь ты доволен;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не волен,
Пока в реку не бросишь кошелька».

Сказал – и с кошельком оставил Бедняка.
Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелёк принялся.

И что ж? – Чуть верится ему, что то не сон:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
«Ах, пусть лишь до утра мне счастье продлится! –
Бедняк мой говорит. –
Червонцев я себе повиытаскаю груду;
Так завтра же богат я буду –
И заживу, как сибарит».

Однако ж поутру он думает другое.
«То правда, – говорит, – теперь я стал богат;
Да кто ж добру не рад!
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
Неужто лень
Над кошельком ещё провесть хоть день!
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
Но если закупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
Так, удержу чудесный кошелёк:
Уж так и быть, ещё я поговею
Один денёк,
А, впрочем, ведь пожить всегда успею».

Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год –
Бедняк мой потерял давно в червонцах счёт;
Меж тем он скудно ест и скудно пьёт;
Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.
День кончится, и, по его расчёту,
Ему всегда чего-нибудь недостаёт.
Лишь кошелёк нести сберется,
То сердце у него сожмётся;

Придёт к реке, – воротится опять.
«Как можно, – говорит, – от кошелька отстать,
Когда мне золото рекою са́мо льётся?»
И, наконец, Бедняк мой поседел,
Бедняк мой похудел;
Как золото его, Бедняк мой пожелтел.
Уж и о пышности он боле не смекает:
Он стал и слаб и хил; здоровье и покой –
Утратил всё; но всё дрожащею рукой
Из кошелька червонцы вон таскает.

Таскал, таскал... и чем же кончил он?
На лавке, где своим богатством любовался,
На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион. С. 338-340

Мартышка и Зеркало (Крыловтан)

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой.
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка», говорит: «кум милый мой!
Что́ это там за рожа?»

Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А, ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на-руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают.
А он украдкою кивает на Петра. С. 341

Лев и Человек (Крыловтан)

Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое.
Кто веры этому неймет,
Тот ясный здесь пример найдет,
Что сила без ума сокровище плохое.

Раскинувши тенета меж дерев,
Ловец добычи дожидался;
Но как-то, оплошав, сам в лапы Льву попался.
«Умри, презренна тварь!» взревел свирепый Лев,
Разинув на него свой зев.

«Посмотрим, где твои права, где сила, твердость,
По коим ты в тщеславии своем
Всей твари, даже Льва, быть хвалишься царем?
И у меня в когтях мы разберем,
Сразмерна ль с крепостью твоей такая гордость!» —
«Не сила — разум нам над вами верх дает»,
Был Человека Льву ответ:
«И я хвалиться смею,
Что я с умением то препятство одолею,
От коего и с силой, может быть,
Ты должен будешь отступить». —
«О вашем хвастовстве устал я сказки слушать». —
«Не в сказках доказать, я делом то могу;
А впрочем, ежели солгу,
То ты еще меня и после можешь скушать.
Вот посмотри: между деревьев сих
Трудов моих
Раскинуту ты видишь паутину.
Кто лучше сквозь нее из нас пройдет?
Коль хочешь, я пролезу наперед;

А там посмотрим, как и с силой в свой черед
Проскочишь ты ко мне на половину.
Ты видишь: эта сеть не каменная стена;
Малейшим ветерком колеблется она;
Однако с силою одною
Ты прямо сквозь нее едва ль пройдеши за мною».

С презрением тенета обзрев,
«Ступай туда», сказал надменно Лев:
«Вмиг буду я к тебе дорогою прямою».
Тут мой ловец, не тратя лишних слов,

Нырнул под сеть и Льва принять готов.
Как из лука стрела Лев вслед за ним пустился;
Но Лев подныривать под сети не учился:
Он в сеть ударился, но сети не прошиб –
Запутался (ловец тут кончил спор и дело) –
Искусство силу одолело,
И бедный Лев погиб. С. 342-343
1829-1830 г.

Прохожие и Собаки (*Крыловтан*)

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка твякнула на них;
За ней другая, там ещё две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.

Один было уже Прохожий камень взял.
«И, полно, братец! – тут другой ему сказал, –
Собак ты не уймёшь от лаю,
Лишь пуще всю раздразишь стаю;
Пойдём вперёд: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.
Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают да отстанут. С. 344

Свинья под Дубом вековым (*Крыловтан*)

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.

«Ведь это дереву вредит, –
Ей с Дубу ворон говорит, –
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
«Пусть сохнет, – говорит Свинья, –
Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». –

«Неблагодарная! – примолвил Дуб ей тут, –
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье

Бранит науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды. С. 345

Пустынник и Медведь (Крыловтан)

Хотя услуга нам при нужде дорогá,
Но за неё не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинокой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а тёмная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурова шелкова?»
«Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучится, как не с кем молвить слова».

Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идёт он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.

О чём у них, и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.

Пустынник был неговорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится
И Мишенькой не может нахвалиться.

Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни

Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».

Пустынник был сговорчив: лёг, зевнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах – да он и не без дела:
У друга на нос муха села.
Он друга обмахнул,
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгрёб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!» –
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть – хватъ друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался! С. 346-347

Две бочки (Крыловтан)

Две Бочки ехали: одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая – себе без шуму и шажком
Плетется, Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жметя,

Ее заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

***

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку;
Кто делов истинно, – тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах
И думает свою он крепко думу
Без шуму. С. 348

Мор зверей (Крыловтан)

Лютейший бич небес, природы ужас – мор
Свирепствует в лесах. Уняли звери;
В ад распахнулись настезь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде размётаны её свирепства жертвы, –
Неумолимая, как сено, косит их,
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх;
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:

Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье:

Им и еда на ум нейдёт.
С голубкой голубь врознь живёт,
Любви в помине больше нет:
А без любви какое уж веселье?
В сём горе на совет зверей сзывает Лев.
Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.

«О други! – начал Лев, – по множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов,
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И тёплое усердье нашей веры

Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чём погрешил когда он вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь – хоть это мне и больно, –
Не прав и я!
Овечек бедненьких – за что? – совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда, – кто без греха? –
Случалось, драл и пастуха:
И в жертву предаюсь охотно.
Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть, –
Того бы в жертву и принести,
И было бы богам то более угодно».

«О царь наш, добрый царь! От лишней доброты, –
Лисица говорит, – в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всём мы станем слушать,
То придет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
А что до пастухов, мы все здесь бьём челом:
Их чаще так учить – им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит,
И нашими себя везде царями пишет».

Окончила Лиса; за ней на тот же лад
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чём Льву просить и отпущенья.

За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черёд
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;

Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.

В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могли ссуды,
Из стога у попа я клоч сенца стянул».

При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
«Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принести богам за все его проказы,
Чтоб и тела нам спасть и нравы от заразы!
Так, по его грехам, у нас и мор такой!»
Приговорили – И на костёр Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто посмирней, так тот и виноват. С. 349-351

Туча (Крыловтан)

Над изнурённою от зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею её не освежа одною,
Она большим дождём над морем пролилась
И щедростью своей хвалилась пред Горою,
«Что сделала добра
Ты щедростью такую? –
Сказала ей Гора. –

И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты б область целую от голоду спасла:
А в море без тебя, мой друг, воды довольно». С. 352

Собачья дружба (Крыловтан)

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лёжа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись –
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днём –
Так рассуждать они пустились вдвоём
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре и, наконец, о дружбе.

«Что может, – говорит Полкан, – приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;

Во всём оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить
И в дружном счастье всё своё блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело»,

«А что же это дело! –
Барбос отвечает ему. –
Давно, Полканушка, мне больно самому.
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживём без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пёс дружества слывёт примером с давних дней,
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно». –

«Явим же в ней пример мы в наши времена! –
Вскричал Полкан, – дай лапу!» – «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» – «Мой Пилад!» Прочь свары, зависть, злость!
Тут повар на беду из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
Где делся и совет и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся, –
Лишь только клочья вверх летят:

Насилу, наконец, их разлили водою.
Свет полон дружбою такою.

Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у них душа, –
А только кинь им кость, так что твои собаки! С. 353-355

Волк и Кот (Крыловтан)

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота

И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,

Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Всё это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», – Кот Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана». –
«Ну, попытайся ж у Демьяна». –
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унёс козлёнка». –
«Беги ж, вон там живёт Трофим». –
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозится за ягнёнка!» –
«Ну плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» –
«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» –

«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, –
Сказал тут Васька Волку, –
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, – сам себя вини:
Что ты посеял – то и жни». С. 355-356

Мыш и Крыса (*Крыловтан*)

«Соседка, слышала ль ты добрую молву?»
Вбежавши, Крысе Мышь сказала: –
«Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» –

«Не радуйся, мой свет»,
Ей Крыса говорит в ответ:
«И не надейся попустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами. С. 357

Пёстрые Овцы (*Крыловтан*)

Лев пёстрых невзлюбил овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно –
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пёструю овцу терпенья нет!
Как сбить их и сберечь свою на свете славу?

И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет –
И им за тайну открывает,
Что видя пёструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.

«Всесильный Лев! – сказал, насупяся, Медведь, –
На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь –
И не прольёшь невинной крови.

Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
И где бы поскакать, побегать для ягнят;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.

Не знаю, как-то мне сдаётся,
Что род их сам собой переведётся.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне».

Лисицы мнение в совете силу взяло
И так удачно в ход пошло, что, наконец,
Не только пёстрых там овец –
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки?
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки. * С. 357-358

Синица (Крыловтан)

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы; А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлепать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик, и самый тароватый,
Не давал секретарям.

Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждёт;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А моря не зажгла

***

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:

Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться С. 360

Крестьянин и Лисица (*Крыловтан*)

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
Кур красть? –
Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею. –
Я, право, о тебе жалею!
Послушай, мы теперь вдвоём,
Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём
Ни на волос добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грех и стыдно
И что бранит тебя весь свет,
Да дня такого нет,
Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
В курятнике оставить шкуры!
Ну, стоят ли того все куры?» –

«Кому такая жизнь сносна?
– Лисица отвечает.
– Меня так всё в ней столько огорчает,
Что даже мне и пища не вкусна.
Когда б ты знал, как я в душе честна!
Да что же делать? Нужда, дети;
Притом же иногда, голубчик кум,
И то приходит в ум,
Что я ли воровством одна живу на свете?
Хоть этот промысел мне точно острый нож».

«Ну, что ж? – Крестьянин говорит.
– Коль вправду ты не лжёшь,
Я от греха тебя избавлю
И честный хлеб тебе доставлю;
Наймись курятник мой от лис ты охранять:
Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
Зато ни в чём не будешь ты нуждаться
И станешь у меня как в масле сыр кататься».

Торг слажен; и с того ж часа
Вступила в караул Лиса.
Пошло у мужика житьё Лисе привольно;
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,
Лисица стала и жирней,
Но всё не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночку потемней,
У куманька всех кур передушила.

***

В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион –
Он воровать не перестанет. С. 361-362
Человек и Тень (*Крыловтан*)

Шалун какой-то тень свою хотел поймать:
Он к ней, она вперёд; он шагу прибавлять,
Она туда ж; он, наконец, бежать.
Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
Всё не даваясь, будто клад.
Вот мой чудак пустился вдруг назад;
Оглянется, а тень за ним уж гнаться стала.

Красавицы! слышал я много раз:
Вы думаете что? Нет, право, не про вас,
А что бывает то ж с фортунною у нас;
Иной лишь труд и время губит,
Стараяся настичь её из силы всей;
Другой, как кажется, бежит совсем от ней:
Так нет, за тем она сама гоняться любит. С. 363

Крестьянин и Овца *(Крыловтан)*

Крестьянин позвал в суд Овцу;
Он уголовное взвёл на бедняжку дело;
Судья-Лиса: оно в минуту закипело.
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чём улика?

Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур недосчитались:
От них лишь косточки да пёрышки остались;
А на дворе одна Овца была».

Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверх того, она совсем не ест мясного.

И приговор Лисы вот, от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы,
Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь –
Овца от кур не отлучалась прочь,
А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу, по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу.
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу». С. 364

Нищий и Фортуна *(Крыловтан)*

С истёртою и ветхою сумой
Бедняжка-нищенский под окном таскался
И, жалуясь на жребий свой,
Нередко удивлялся,
Что люди, живучи в богатых теремах,
По горло в золоте, в довольстве и сластях,

Как их карманы ни набиты,
Ещё не сыты!
И даже до того,
Что, без пути алкая
И нового богатства добывая,
Лишаются нередко своего
Всего.

Вон бывший, например, того хозяин дому
Пошёл счастливо торговать;
Расторговался в пух. Тут, чем бы перестать
И достальной свой век спокойно доживать,
А промысел оставить свой другому, –

Он в море корабли отправил по весне;
Ждал горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его все море поглотило;
Теперь они на дне,
И видел он себя богатым, как во сне.

Другой, тот в откупа пустился
И нажил было миллион,
Да мало: захотел его удвоить он,
Забрался по уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи таких примеров есть;
И поделом: знай честь!

Тут Нищему Фортуна вдруг предстала
И говорит ему:
«Послушай, я помочь давно тебе желала;
Червонцев кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Её насыплю я, да только с уговором:
Всё будет золото, в суму что попадёт,
Но если из сумы что на пол упадёт,
То сделается сором.
Смотри ж, я наперёд тебя остерегла:
Мне велено хранить условие наше строго,
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтоб вынести она могла».

Едва от радости мой Нищий дышит
И под собой земли не слышит!
Расправил свой кошель, и щедрою рукой
Тут полился в него червонцев дождь златой:
Сума становится уж тяжёленька.
«Довольно ль?» – «Нет ещё». – «Не треснула б».
«Не бойсь».
«Смотри, ты Крезом стал». – «Ещё, ещё маленько:
Хоть горсточку прибрось».
«Эй, полно! Посмотри, сума ползёт уж врозь».

«Ещё щепоточку». Но тут кошель прорвался,
Рассыпалась казна и обратилась в прах,
Фортуна скрылася: одна сума в глазах,
И Нищий нищенским по-прежнему остался. С. 365-366

Раздел (Крыловтан)

Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору?
Заводят шум они за деньги, за товар, –
Как вдруг кричат, что в доме их пожар.

«Скорей, скорей спасайте
Товары вы и дом!»
Кричит один из них: «Ступайте,
А счёты после мы сведём!»
«Мне только тысячу мою сперва добавьте, –
Шумит другой, –
Я с места не сойду долой». –

«Мне две не додано, а вот тут счёты ясны», –
Ещё один кричит. «Нет, нет, мы не согласны!
Да как, за что, и почему!»
Забывши, что пожар в дому,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму,
И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней.
Всяк споры затевает
О выгоде своей. С. 368

Пруд и Река (Крыловтан)

«Что это», говорил Реке соседний Пруд:
«Как на тебя ни взглянешь,
А воды всё твои текут!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же, вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счету нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:
Да это, право, всё пустое!
За то я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое;
Не только что судов
Или плотов,
Мне здесь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каков тяжел челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыблется листок,
Когда его ко мне забросит ветерок.

Что беззаботную заменит жизнь такую?
За ветрами со всех сторон,
Не движась, я смотрю на суету мирскую
И философствую сквозь сон». –
«А, философствуя, ты помнишь ли закон?»
Река на это отвечает:
«Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?
И если стала я великою рекой,
Так это от того, что, кинувши покой,
Последую сему уставу.
Зато по всякий год,
Обилием и чистотою вод
И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу.
И буду, может быть, еще я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в-помине,
И о тебе совсем исчезнет речь».
Слова ее сбылись: она течет поныне;
А бедный Пруд год от году всё глож,
Заволочен весь тиною глубокой,
Зацвел, зарос осокой,
И, наконец, совсем иссох.
Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет. С. 369-370

Пастух и Комар (*Крыловтан*)

Пастух под тенью спал, надеясь на псов,
Приметя то, змея из-под кустов
Ползёт к нему, вон высунувши жало;
И Пастуха на свете бы не стало,
Но, сжаляся над ним, Комар, что было сил,
Сонливца укусил.
Проснувшись, Пастух змею убил;
Но прежде Комара спросонья так хватил,
Что бедного его как не бывало.

Таких примеров есть немало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добром,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же с ним случится,
Что с Комаром. С. 371